

ВИКТОРИАНСКИЙ

БЕСТСЕЛЛЕР

— · Джозеф Шеридан Ле Фаню · —

ДОМ У КЛАДБИЩА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(417)
ББК 84(4Ирл)-44
Л33

Серия «Викторианский бестселлер»

Перевод с английского *Л. Бриловой, С. Сухарева*

Серийное оформление и дизайн обложки *Е. Лазаревой*

Л33 **Ле Фаню, Джозеф Шеридан.**

Дом у кладбища / Джозеф Шеридан Ле Фаню ; [перевод с английского Л. Бриловой, С. Сухарева]. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 576 с. — (Викторианский бестселлер).

ISBN 978-5-17-183263-6

В деревушке Чейплизод, неподалеку от Дублина, при выкапывании новой могилы на местном погосте обрушивается старое захоронение, обнаружившее необычную находку — треснувший череп с отверстием, похожим на пулевое. С этого момента спокойный темп деревенских дел и жизнь местных жителей навсегда меняются: разгадка давнего убийства и тайна личности жертвы ведут из 1810-х годов в XVIII столетие, а криминальная интрига закручивается все любопытнее, ведь настоящий преступник сменил имя и скрывает свое прошлое...

УДК 821.111-31(417)
ББК 84(4Ирл)-44

ISBN 978-5-17-183263-6

© Перевод. Л. Брилова, 2021
© Перевод. С. Сухарев, наследники, 2021
© ООО "Издательство АСТ", 2025

Пролог

Деревенские толки

С вашего позволения, нижеследующие главы мы посвятим описанию событий, происходивших в Чейплизоде лет сто назад. За сотню лет, что и говорить, немало утекло воды, ныне и мода другая, и обороты речи принятые иные, чем прежде. Табака в наши дни не нюхают, волос не пудрят, саки* и пасынсы канули в Лету — и все же мужчины и женщины каковы теперь, таковыми были и век назад — это вам подтвердит (если пожелает) любой человек в почтенных летах, вроде вашего покорного слуги, которому довелось в свое время наблюдать арьергард старой гвардии, спешивший вдогонку остальному войску, а также и вести с ним беседы.

В те дни старый Дублин мог по справедливости гордиться приветливым, ласкающим взгляд обликом своих предместий; Чейплизод же превосходил красотой едва ли не все прочие. Берега и долина Лиффи были покрыты садами и могучим старым лесом; лишь кое-где выстроившиеся по-военному в ряд тополя вносили в эту живую, красочную картину немного порядка. Главная улица, с ее старыми домами, островерхими крышами и цветными парадными дверьми, излучала дух веселья и гостеприимства. Сразу позади заставы, там, где дорога сворачивала к возведенному на опорах мосту, который соседствовал с мельницей, первой встречала визитеров из Дублина гостиница под вывеской «Феникс» — также старинная и также весьма располагающая на вид. В задней гостиной «Феникса» регулярно в пять часов пополудни вкушали обеденную трапезу «Олдермены Скиннерз Элли»** — это был истинно консервативный клуб, зародившийся еще в прошлом столетии, во врем-

* Сак — фасон женского платья с шлейфом, ниспадающим с плеч, пик моды которого пришелся на XVIII век.

** «Олдермены Скиннерз Элли» — один из многочисленных клубов, которые появились в Англии в конце XVIII в. (в данном случае уважаемых граждан).

мена якобитских войн (он объединял в себе сапожников, или портных, или франкмасонов, или любителей музыки). Здесь, в просторной, обшитой деревянными панелями комнате, они и восседали под покровительственным взором «великого и доброго короля Вильгельма», красовавшегося — при мантии, Ордене Подвязки*, парике и скипетре — над каминной полкой. В большом окне-фонаре, расположеннном напротив камина, виднелся мирный и радостный пейзаж: река, нарциссы, пышная листва. В восхитительные летние вечера в гостиной неумолчно звучали шутки, задушевные разговоры, песни и мудрые речения. Увы! Давно уже ничего не осталось ни от гостиницы, ни от ее посетителей — все развеялось словно дым — тень дыма — пригревшаяся тень дыма.

Недавно был разрушен «Дом Лосося», стоявший в другом конце главной улицы, — его называли так из-за вывески, в геральдике которой присутствовало изображение этой благородной рыбы. Он и два других здания были развернуты под прямым углом к дороге, в направлении Дублина, и смотрели фасадами на что-то вроде небольшой площади. Между площадью и садом, что граничил с насыпью на речном берегу, оставалось еще достаточно места для тракта и для Мартинз-роу. Так вот, «Дома Лосося» более не существует. Не то чтобы я в этом кого-нибудь винил. Допускаю, что дом насквозь прогнил и вот-вот оттуда сбежали бы даже последние квартиранты — крысы. Он, как выразился один из актеров по поводу слома Олд-Друри**, был снесен, дабы избежать неудобств, связанных с его самопроизвольным падением. Примите, однако, во внимание, что имеете дело с ворчливым, но безобидным старым хрычом, которому ненавистны всяческие перемены и который предпочел бы, чтобы все оставалось так, как есть сейчас, пока неизбежная великая перемена не постигнет его самого. Что поделаешь, если лежит у меня душа к местам, знакомым с детства, и к непрятязательным памяткам прошлых поколений, — так уж дозвольте мне немного побрюзжать по поводу нынешних домовладельцев, поскольку они усвоили себе вкус к перпендикулярам, параллелям и бесцветному новомодному кирпичу и не склонны церемониться со старыми постройками.

* Орден Подвязки — высший рыцарский орден Великобритании, один из древнейших в мире.

** Речь идет о Королевском театре на Друри-Лейн в Лондоне.

Была еще деревенская церковь с башней, от основания до верхушки покрытой темной, шелестящей массой плюща. Но где же, скажите, каменная доска с высеченным на ней королевским гербом, что помещалась над порталом, где искать ныне это свидетельство былого вице-королевского статуса храма? А куда исчезла высокая церковная скамья — там, на внушающем некоторый трепет удалении от прочих прихожан, восседали лорды-наместники Ирландии, в золотых кружевах, в париках, напоминающих грозовую тучу? Здесь очередной лорд-наместник выслушивал проповедь (сугубо каноническую), не забывая то и дело подносить к носу щепотку французского табаку; затем он обходил почетный караул, состоявший из солдат Королевской ирландской артиллерии, казармы которых помещались напротив, через дорогу; солдаты (в бело-красно-голубой придворной униформе, с косицами, в треуголках) брали на караул, звучала барабанная дробь; наместник садился в карету с гербом, запряженную шестеркой лошадей (таким позавидовала бы и Золушка), ливреи форейторов сверкали ярче мундиров солдат, и наконец великолепный выезд удалялся по пыльной, палимой солнцем дороге.

Здесь же заседала церковная комиссия*. Башня, правда, сохранилась, наполовину утратив свой древний наряд из плюща, но само церковное здание заменено новым, и мне (а со мной, возможно, и еще кое-кому из стариков) не хватает старомодных прямоугольных скамей, где, по традиции, каждому из видных семейств, а также высших должностных лиц городка и окрестностей было отведено особое место; тоскую я и по вычурным неуклюжим пюпитру и кафедре, и от сознания, что потеряны все эти вещи давно и навсегда, они становятся мне еще дороже. Остается гадать, куда подевались ярко-голубые таблички арочной формы, на которых высокими золотыми буквами во времена королевы Анны были высраны десять заповедей (таблички эти помещались по бокам главного престола, обнесенного высокой тонкой оградкой); я недосчитываюсь еще полусотни предметов, которые в дни детства казались мне вечными, как земная твердь, и священными, как Небеса.

Что же до казарм Королевской ирландской артиллерии, до больших решетчатых ворот, за которыми на берегу реки поме-

* Церковная комиссия — орган управления финансами Англиканской церкви.

щался плац, и всего остального, то их, думаю, поглотила земля, а вернее, мрачная гигантская фабрика, которая плюется паром, скрежещет колесами и испускает клубы черного дыма, — она заполонила ныне чуть ли не весь Чейплизод, и, кроме нее, местным жителям нечем похвалиться.

Былые знакомые лица — уцелевшие старые дома напротив фабрики — взирают своими стеклянными глазами на непривычное окружение жалобно и неприкаянно. Лет девяносто-сто назад все здесь выглядело совершенно по-иному!

Где ныне мельница, что стояла у моста, этот хозяйствственный придаток городка? В детстве я любил ее: вид у нее был грустный и ветхий, а из сумрачных, туманных внутренних пространств доносился стук, непонятным образом звучавший в такт жужжанию мельничного шлюза. Ее больше нет, я в этом не сомневаюсь: то безобразие, что стоит на ее месте, не имеет ничего общего с почтенной подругой моего детства.

Но, сколь бы ни было безгранично ваше терпение, мой снисходительный читатель, злоупотреблять им я не собираюсь: чего ради вам тратить летний день на прогулку по старому поселку, изуродованному и жалкому, где небеса застит фабричная копоть? Но прежде чем обратиться к нему спиной, удостойте хотя бы одним взглядом наше главное деревенское дерево: могучий неохватный вяз. За последнее столетие он не подрос ни на дюйм. Могу утверждать со знанием дела, что минувшие полвека не состарили егоисколько. Он тот же, что и раньше, и, однако же, сделался в родных краях чужаком: его окружает новый, неузнаваемый Чейплизод — деловой и безрадостный; и старик слушает (так мне кажется) вечное бормотание реки и мечтает о давно ушедших временах и людях. А ведь тебе тоже есть что поведать, одинокий, всеми забытый мудрец; пусть бы только ветер, подобно тростнику, разгласившему тайну Мидаса, разнес твои слова по окрестностям.

Столетие назад Чейплизод переживал свой расцвет. О тех днях, ярких и захватывающих, идет добрая слава, она мне дорога, и я забочусь о сохранении немногих памятников, что после них остались, но признаюсь вам на ушко: ничего нет приятней, чем читать книги и мечтать о былых временах, но жить веком ранее я бы не пожелал. И все же в моем воображении давно уже проплывают, сплетаясь и сменяя друг друга, картины прежней жизни; мне грезятся кровожадность и неистовство, гостепри-

имство и радущие; былое варварство смягчено дымкой времени и окружено неким ореолом. Эти видения напоминают мне раскаленные угольки в камине, я люблю блаженно наблюдать их в зимние сумерки, удобно устроившись в кресле и подперев седую голову рукой, а они все меняют очертания и беззвучно нашептывают свои «зимние сказки»*.

Когда ваш покорный слуга и рассказчик этой истории Чарлз де Крессерон** был четырнадцатилетним мальчуганом (а в каком году это было — не важно, скажу одно: давние события помнятся мне яснее, чем то, что происходило на прошлой неделе), случилось ему (к его радости) во время каникул приехать на неделю в Чейплизод, к своему добрейшему дядюшке и крестному отцу, который служил здесь помощником приходского священника. На следующий день после его, а вернее *моего*, прибытия (возвращусь-ка я, с вашего разрешения, к рассказу от первого лица) внимание всех местных жителей было привлечено к погребению одной старой леди. Покойница (фамилия ее была Дарби) долго добиралась до места своего последнего приюта: похоронные drogi неспешно проделали путь, который начался в Лиснабейне, графство Слайго, и закончился на чейплизодском кладбище. Определить место для погребения не составило труда: семейство покойной имело наследственные права на некий клочок церковной земли, каковой можно назвать скорее не пожизненным, а посмертным владением, и участок этот был отмечен большим плоским камнем, так что могильщик, Лемюэл Мэттокс, ни разу не сбившись с пути, проводил моего дядюшку прямиком туда, и дядя, человек беспокойного темперамента, легко убедился, что ошибки быть не может.

Дядя дал разрешение, и работа тотчас закипела. Не решусь утверждать, что мою тогдашнюю тягу ко всему мрачному разделяют все мальчишки на свете, знаю лишь одно: ничто я так не любил, как посещать кладбище, разбирать надписи на надгробиях, наблюдать за рытьем могил и слушать деревенские толки о покойниках.

Могила, вытянутая с востока на запад, была уже почти готова, но вдруг земля с северного края, где виднелся старый гроб, осыпалась, увлекая за собой бурый прах и перепачканные ко-

* Т.е. рассказчики.

** Псевдоним автора, который он использовал при первой публикации романа.

сти, а к ногам могильщика, несколько раз кувырнувшись, лег пожелевший череп. С этими находками Мэттокс обошелся как обыкновенно в таких случаях: осторожно поддел кончиком заступа и сложил наверху, в сторонке от большой кучи земли.

— Силы небесные! Ну и досталось же ему! — произнес молодой Тим Моран, поднимая череп и оглядывая его со всех сторон.

— Дай-ка сюда, Тим, ну же, я хочу посмотреть, — вскричали двое-трое вмиг собравшихся зевак.

— Э! Да его убили, — заключил один из них.

— Кто-то здорово над ним поработал! — подхватил второй.

— Погиб на войне, не иначе! — добавил третий.

— Бедняга отдал концы не сходя с места, с такими ранами не живут, — изрек Тим.

— Дырка от пули, — заметил кто-то, просовывая палец в аккуратное круглое отверстие размером в полпенни.

— А тут две трещины, глядите! Уконошили, как пить дать!

— С чего ты взял, что их две? Хотя нет, твоя правда, две!

— Не иначе как его согрели кочергой.

Мэттокс проворно вскарабкался наверх, завладел черепом и стал вертеть его в руках. Но хотя он был уже далеко не юноша, ничего подходящего к слуху ему вспомнить не удалось.

— А может, это тот самый матрос, которого пристрелили в прошлом году за то, что он ударил капитана? Как по-вашему, мистер Мэттокс? — предположил один из присутствующих.

— Нет, матроса погребли к северу от церкви, беднягу, — отозвался Мэттокс, не сводя глаз с черепа. — Опять же это и не адвокат Галлагер... его еще убил на дуэли полковник Рак — попал прямо в голову... Но это не он, быть того не может.

— Отчего же не он?

— Чем угодно поклянусь, что не он, а тем паче не матрос. Глядите сами: земля здесь сухая. Вот там, на дне ямы, гроб старого Дарби — цел-целехонек, хоть пляши на нем, а ведь когда еще его закопали, аж в девяносто третьем году. А теперь смотрите на тот гроб, откуда выкатился череп. Что от него осталось? Одна труха.

— А ведь верно, так оно и есть.

— Дело ясное, этот гроб лежал в земле добрых три десятка лет, а то и больше.

Как раз в это время показалась высокая тонкая фигура помощника приходского священника. Длинные худые ноги моего

добрейшего дядюшки, облаченные в черные шерстяные чулки и бриджи, с осторожностью ступали меж могил. Собравшиеся приподняли шляпы, Мэттокс спрыгнул обратно в яму, а дядя изобразил на лице что-то вроде печальной улыбки, поскольку всякое другое приветствие казалось ему неуместным в этих торжественно-мрачных пределах.

Дядя имел обыкновение чрезвычайно деликатно обходиться с костями, по несчастной случайности попавшими под застул могильщика. Он, бывало, не сходил с места, пока, после чтения заупокойной, потревоженные останки не водворялись со всей возможной бережностью на прежнее место. Нередкие в подобных случаях проявления легкомыслия и праздного любопытства он неизменно пресекал, для чего достаточно оказывалось внушительным тоном произнесенного упрека. Посему неудивительно, что при появлении дядюшки зеваки, как говорит ирландская пословица, «уронили, словно горячую картошку», свою занимательную находку, а гробокопатель с изрядным проворством схватил в руки застул.

— О, дядя Чарлз! — сказал я, хватая дядюшку за руку и увлекая его поближе к могиле. — Посмотри, что за диковинный чепр! Он пробит пулей, а вдобавок его еще раскроили кочергой.

— Мальчик верно говорит, ваше преподобие, этого парня, кто бы он там ни был, спровадили на тот свет дважды... упокой Господи его душу.

Мэттокс с самым что ни на есть благонравным видом вырвался из почти что готовой могилы, поднял побуревший чепр (не забывая при этом о надлежащей почтительности) и стал осторожно его поворачивать перед глазами собеседника. Дядя, не подходя ближе, созерцал находку с видом печальным и устращенным.

— Ты прав, Лемюэл, — заговорил он, по-прежнему не выпуская моей руки, — несчастный пал жертвой убийц, сомневаться не приходится. Ему нанесли два сокрушительных удара и к тому же прострелили из ружья затылок.

— Никак не из ружья, сэр. Дыра, я вижу, размером с картечь, — раздался из-за дядиной спины грубый, резкий голос.

Это вмешался в разговор старик военный; он был в треуголке, какие носят отставники, гамашах и длинном старомодном сюртуке красного цвета; на губах ветерана играла едва заметная мрачная усмешка.

Вздрогнув, я отошел чуть в сторону, чтобы уступить незнакомцу место подле дяди, не без расчета, что он, быть может, способен пролить свет на историю примечательной находки. Единственный находившийся на виду серый глаз старика походил на крысиный, второй прикрывала черная нашлепка, на лбу алел глубокий косой шрам, уходивший под упомянутую нашлепку. На багровом лице незнакомца выделялся особенно густой окраской бесформенный кончик носа, возле него виднелась большая бородавка. Оглядывая старика, я обратил также внимание на большую прогулочную трость, которую тот держал на плече. В облике незнакомца мне почудилось пугающее, но притом карикатурное сходство со старинным портретом Оливера Кромвеля, который висел в гостиной моего деда, убежденного вига.

— Так, по вашему мнению, это не пулевое отверстие, сэр? — тихим голосом отозвался дядя и коснулся своей шляпы: проходя из семьи, принадлежащей к военному сословию, дядя неизменно проявлял крайнюю почтительность при встрече с любым армейским ветераном.

Старый солдат приветствовал его в ответ, а затем промолвил:

— Осмелюсь сказать, сэр: *ясное дело*, нет.

— Тогда *что* же это по-вашему, уважаемый? — в качестве профессионала и человека авторитетного задал вопрос могильщик.

— Трепан, — небрежно бросил в ответ старый чудак таким тоном, словно отдавал команду «смирно!» совсем зеленому новобранцу, не поворачивая головы, а лишь на миг скосив в его сторону свой серый глаз.

— А не знаете ли вы, кому принадлежал этот череп, сэр? — спросил священнослужитель.

— Отчего же не знать — *знаю*, — отозвался ветеран все с той же странной улыбкой, а затем вызывающе обратился к могильщику: — Вы здесь, приятель, главный по могилам. Как на ваш взгляд, долго ли этот череп гнил там, внизу?

— Порядочно, приятель, но не дольше, чем вы ходите здесь, наверху.

— Тут вы правы, спорить не буду, мне ведь довелось провожать его в последний путь. — При этих словах старый воин взял череп из рук могильщика. — И скажу еще вот что: кое-кто на тех похоронах не уронил и слезинки, ха-ха-ха!

— Так вы местный уроженец? — спросил мой дядя, который почувствовал, что пора перевести разговор на другую тему.

— Вот именно, сэр. Взгляните-ка на этот сломанный зуб... О нем я и забыл... А стоило увидеть, так припомнил и зуб и улыбку ясно, как сейчас, — чем угодно клянусь... И острый краешек — вот он, тут как тут... чтоб его черти взяли. — И упомянутый зуб, один из всего лишь трех уцелевших, оказался в руке старика, который с остервенением швырнул его в могилу.

— И вы... вы служили в армии, если не ошибаюсь? — осведомился священнослужитель, чтобы прервать эту тягостную сцену.

— В точности так — в Королевской ирландской артиллерию, — браво отрекомендовался его багроволицый собеседник.

— В каком звании?

— Барабанщика.

— О, барабанщика... С тех пор, надо полагать, много воды утекло? — спросил мой дядюшка, задумчиво глядя на ветерана.

— Без малого уж полсотни лет. Да, башка у него была крепкая, но — сами видите — железяка покрепче оказалась, ха-ха! — Ухмыляясь и кивая, старик замахнулся на череп своей тростью.

— Полегче, полегче, друг мой, — забеспокоился дядюшка, придерживая руку собеседника, указующий жест которого походил скорее на удар.

— В то время, сэр, шефом полка числился лорд Блэкутер, но он, почитай, безвылазно сидел во Франции. В его отсутствие полком командовал генерал Чэттесуорт, после него шел полковник Страффорд, а тому уже подчинялся майор О'Нейл. Капитанов было четверо: Клафф, Деврё, Бартон и Бург; старшие лейтенанты: Паддок, Делани, Сэквилл и Армстронг; младшие: Солт, Барбер, Лиллиман и Прингл; лейтенанты-фейерверкеры: О'Флаэрти...

— Прошу прощения, — прервал его дядюшка, — вы сказали, фейерверкеры?

— Да, сэр.

— Но, ради бога, кто это — лейтенант-фейерверкер?

— Ну как же, сэр, фейерверкер! Он следит за тем, чтобы солдаты содержали орудия в исправности, заряжали как положено и метили точно в цель. Но не в этом дело. Взгляните лучше на череп, сэр. Чудная это была история, второй такой вам и слы-

шать не доводилось, и шуму она наделала изрядно. Дамы перетрусили до полусмерти, мужчины чесали затылки, ха-ха-ха! Мне-то она известна, сэр, рассказать — жуть, да и только...

— Прошу... прошу меня простить, сэр, но... да, кажется, похоронная процессия уже подходит, придется мне с вами пока рас прощаться.

Дядя поспешил в церковь, надел на себя облачение, и погребальный обряд пошел своим чередом.

После похорон дядя предпочел самолично проследить за тем, чтобы потревоженные останки с должным тщанием были водворены на прежнее место. Затем он освободился от облачения и вернулся на кладбище — разыскивать старого солдата, как я догадался.

— Он ушел еще раньше, во время похорон, — сказал я дяде.

— А, тот отставной солдат, — отозвался дядюшка, продолжая осматриваться.

Вместе мы прошлись по городу, через мост, но ничего похожего на треуголку и красный однобортный сюртук нам на глаза не попалось. Разочарованные, мы вернулись домой к чаю.

Я тут же побежал в заднюю комнату, чтобы оттуда взглянуть в окошко на кладбище, где, быть может, в закатных лучах прогуливался среди могил, вскинув на плечо тросточку и ухмыляясь, старый солдат. Но за окном не было ни души. Я вернулся к своему дядюшке, который успел уже заварить чай и с легким стуком захлопнул крышку серебряного чайничка. Дядя улыбнулся мне с отсутствующим видом и потянулся за книгой, затем уселся поудобней, нога на ногу, и, поглаживая свободной рукой свою худосочную голень, принялся читать, а восхитительный настой тем временем набирал силу.

Мне же более всего на свете хотелось в те минуты дослушать повествование о леденящих кровь событиях, коих материальное свидетельство — загадочный череп — я наблюдал всего лишь час назад, но, увы, на это не оставалось почти никакой надежды. Вконец расстроенный, я выглянул в окно — и что же? — как раз под главным деревенским деревом неспешно вышагивал, направляясь в сторону «Дома Лосося», тот самый отставной солдат: треуголка, медного цвета нос, просторный красный сюртук с несообразно громадными петлями, гамаши, тросточка — всё на месте.

— Да это же он! Дядя Чарлз, это он, смотрите! — вскричал я.

— Кто, тот самый солдат? — отозвался дядюшка, в спешке зацепился ногой за ковер и едва не разбил окно. — И в самом деле, ну-ка, мой мальчик, сбегай за ним и попроси его подняться сюда.

Не успел дядюшка это промолвить, как я уже кубарем катился вниз, но дядя, высунувшись в окно, сам окликнул старого солдата и пригласил его войти. Почтенный воин, выставив вперед левое плечо и по-военному отдав честь, поблагодарил священнослужителя. Я не раз замечал, что суровые, повидавшие мир ветераны не склонны отвечать отказом, когда речь идет об угощении. Если последнее их разочарует — ну что ж, зато оно им ничего не стоило, если же оправдает ожидания — тем лучше.

И вот ветеран взошел по лестнице и по-военному невозмутимо вступил за порог. В ответ на приглашение выпить чаю он ответил, что предпочитает пунш. Вскоре необходимые ингредиенты оказались на столике у каминя, отчего у всех в этот ветреный и холодный вечер потеплело на душе. Гость расположился рядом и принялся со смаком готовить божественный напиток, мы же прихлебывали чай в предвкушении рассказа. Вскоре полилась своеобразная речь нашего повествователя, которую, надо сказать, я выслушал с начала и до конца с неослабным интересом.

Как это иногда бывает, со временем неожиданно пролился свет на ряд упомянутых в этом рассказе обстоятельств: мне попали в руки дневник (на редкость подробный) и объемистое собрание писем сестры генерала Чэттесуорта, Ребекки, — с ее семейством я имел честь состоять в родстве. Не один год после этого случалось мне с неизменным удовольствием заглядывать зимними ночами в дневник (для человека, по-кошачьи привязанного к любимым местам, он представлял собой истинное сокровище) и в бесчисленные связки писем. На конвертах, рассортированных и сложенных в идеальном порядке, красными чернилами были приведены выдержки, которые Ребекка делала собственноручно, твердым и тонким почерком; имелись копии ответов — с кем только не состояла в переписке усердная и неутомимая леди!

Мне хотелось бы думать, что нижеследующее повествование впитало в себя дух этих старых документов, а главное, побудит читателя хотя бы в малой степени разделить мой особый, окрашенный грустью интерес к милому старому Чейплизоду. В тот